Алексей Федорович Фортунатов и становление крестьянских исследований в России в конце XIX — начале XX века

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

Статья посвящена анализу биографии и работ российского сельскохозяйственного экономиста и статистика А. Ф. Фортунатова (1856–1925). В центре внимания — парадоксальная двойственность в оценках этого ученого современниками как эмпирика и одновременно яркого мыслителя. Прослеживается его влияние на формирование идеологии и теории «общественной агрономии», его вклад в теорию некапиталистического хозяйства, применявшиеся им новые формы и методы преподавания «сельскохозяйственной экономии» и статистики, которые в совокупности создавали интеллектуальные предпосылки для появления «организационно-производственного направления». По архивным материалам устанавливается авторство А. Ф. Фортунатова по отношению к термину «биологическая технология». Отмечается уникальная идеологическая позиция А. Ф. Фортунатова, прекрасно разбиравшегося в теоретических и эмпирических оттенках марксизма, либерализма и народничества в аграрной сфере, придерживавшегося народнического мировоззрения и тем не менее фактически никогда не высказывавшего своей персональной критики или одобрения бурным общественно-политическим событиям и преобразованиям в России начала XX века. Проанализированы основные вехи научной и преподавательской карьеры профессора Фортунатова. Охарактеризован многообразный энциклопедизм его интересов и публикаций, впрочем порой носивших слишком пропедевтически-популяризаторский характер. Отмечен выдающийся вклад А. Ф. Фортунатова как плодовитого педагога высшей школы России, благодарными учениками которого стали не только несколько знаменитых профессоров организационно-производственной школы, но и сотни, тысячи воспитанных им российских аграрников, известных и безызвестных, внесших значительный вклад в модернизацию и развитие сельской России первой половины XX века.

Основное значение работ А. Ф. Фортунатова видится в переосмыслении предмета российской аграрно-экономической науки, ее переориентации с проблем организации крупного частного хозяйства на изучение и организацию крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: история аграрно-экономической мысли, теория крестьянского хозяйства, общественная агрономия, организационно-производственная школа, А. Ф. Фортунатов, Петровская академия.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-66-89

Парадокс Фортунатова

Студенты А. Ф. Фортунатова вспоминали, как он любил будить интерес аудитории к своему скучноватому предмету — аграрной статистике — при помощи найденных им неожиданных сопоставлений и статистических парадоксов; их называли парадоксами Фортунатова. При обращении к наследию этого ученого мы сталкиваемся

с парадоксом иного рода. Наша историко-экономическая литература знает его в качестве учителя основателей «организационно-производственного направления», однако из литературы совершенно невозможно понять, чему именно он их учил и чему они у него научились. В самом деле, какие идеи А. Ф. Фортунатова унаследовали учившиеся у него А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Б. Д. Бруцкус, А. Н. Минин и др.?

Чтение основных фортунатовских работ не добавляет ясности. В них видны сухой эмпиризм, обилие прекрасно систематизированного фактического материала при скудости выводов и явственном стремлении автора уклониться от сколько-нибудь широких обобщений. То же видели и его читатели из числа коллег и учеников. А. А. Кауфман называл Фортунатова «индуктивистом до мозга костей», в работах которого «сжатость изложения переходит в лаконизм», иногда чрезмерный (Кауфман, 1910: 70). А. О. Фабрикант сетовал, что трудно излагать содержание его статей, так как «они представляют собой всегда экстракт передуманного и перечувствованного столь скупого на слова автора. Эти статьи можно переписать, но не изложить» (Фабрикант, 1916: 4). А. Н. Челинцев прямо отказывал Фортунатову в теоретической значимости его работ: «Все литературные работы Алексея Федоровича выделяются точным и четким языком, фактичным, сжатым, всегда строго датированным изложением. Эмпирик от начала до конца, он следовал правилу „однократных выводов из множественных наблюдений“, добродушно-язвительно относясь к обыкновению „множественных выводов из однократных наблюдений“. Эта позиция не дала А. Ф. создать какие-либо широкие социологические или хотя бы статистико-экономические концепции. Фактическая эрудиция эмпирика подавляла в нем теоретика-конструктора...» (Челинцев, 1925: 60). В одной из работ сам А. Ф. Фортунатов емко выразил свое кредо: «Статистика по мере возможности стремится заменять вопрос „как“ вопросом „сколько“» (Фортунатов, 1892: XII). Полноту картине придает поразительная (для ученого) фраза Фортунатова о самом себе, которую передал И. В. Якушкин: «Писать не люблю, с большой охотой стал бы переводить, или даже переписывать» (Якушкин, 1927: 111).

Такой стиль и подход к работе можно было бы считать признаком творческого бесплодия Фортунатова, если бы не многочисленные свидетельства тех его коллег и учеников, которым он запомнился прежде всего как творческая личность, «живой ум с постоянным фейерверком мыслей» (Челинцев, 1925: 39). Тот же Якушкин вспоминал: «С неподражаемым искусством Фортунатов пронизывает свою лекцию вопросами, которыми бесповоротно изгоняются из аудитории даже следы апатии. Кто подсчитает — сколько мыслей зародилось в стенах актовой академической залы под влиянием этих вопросов, тонких, остроумных» (Фортунатов, 1924: 14). Он же наградил своего учителя прекрасным эпитетом: «Статистик и экономист, творивший философию агрономии...» (Фортунатов, 1924: 12).

Каким же образом в Фортунатове сочетались эмпиризм и индуктивизм до мозга костей с ни много ни мало «философией агрономии»? И какова была эта философия? Для ответа необходимо пристальнее вглядеться в биографию и труды ученого.

Формирование идеалов

Алексей Фортунатов родился в Петрозаводске 7 августа 1856 года в интеллигентной дворянской семье, которая затем переехала в Москву (Фортунатов, Фортунатов, 1957). Его отец и дед трудились на ниве народного образования, старшие братья стали профессорами Московского университета, Степан — историком, Филипп — филологом, академиком. Алексей в юности долго искал свое призвание, не раз меняя направление поиска. С золотой медалью гимназии он сначала, по стопам братьев, пришел на историко-филологический факультет университета, где увлекся одновременно римской историей и политэкономией. Он посещал лекции только что начавшего преподавать А. И. Чупрова, присутствовал на его магистерской защите (1875) и, как все умные студенты того времени, штудировал «Капитал» Маркса. Однако в 1876 году бросил университет, историю, Москву и поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Там он стал одним из любимых студентов фанатичного профессора анатомии П. Ф. Лесгафта. Помимо естественнонаучных идеалов передовой (нигилистически народнической) молодежи того времени его вел личный мотив: на Владимирских медицинских курсах училась его возлюбленная[1]. На почве политики в столице он сошелся с Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, В.Н. и М. Н. Игнатовыми — будущими «чернопередельцами» и марксистами, вместе с которыми участвовал в знаменитой демонстрации на площади Казанского собора 6 декабря 1876 года. Впрочем, это была кульминация его революционной карьеры. Наездами бывая в Москве, Фортунатов познакомился со статистиками московского земства В. И. Орловым и М. П. Боголеповым и увлекся статистикой. Если учесть, что родоначальник научной статистики А. Кетле называл ее социальной анатомией, то новый поворот во взглядах Фортунатова не кажется столь уж радикальным.

В 1879 году он оставил Медико-хирургическую академию, вернулся в Москву и был принят на третий курс Петровской земледельческой академии, а параллельно — на медицинский факультет Московского университета. В академии он примкнул к оппозиционно настроенным студентам, которые организовали подпольную кассу взаимопомощи и подпольную библиотеку. Из профессоров сильное идейное влияние на него оказывали «естественники», среди

1 Александра Александровна Данилович (1853–1923) — с 1879 года жена А. Ф. Фортунатова, у них было пять сыновей и дочь.

которых выделялся К. А. Тимирязев, тогда как профессора экономических дисциплин И. И. Иванюков и А. Н. Шишкин ему не были близки. В это время им двигали мотивы, типичные для народнической молодежи: после получения дипломов он рассчитывал поселиться на Кубани и вступить в сельскохозяйственную артель-колонию, которая состояла из интеллигентов, решивших «осесть на землю». Свое тогдашнее кредо он формулировал так: «Изучая русских крестьян, учить их тому, что им нужно в первую очередь, а вместе с тем самому учиться у них» (Фортунатов, Фортунатов, 1957: 7). То есть в сельскохозяйственную академию его привел не интерес к сельскому хозяйству, а определенный социальный идеал и поиск средств для его реализации.

В 1882 году он окончил Петровку со степенью кандидата сельскохозяйственных наук[2], защитив дипломную работу экономико-статистического профиля «Земля и земледельческая работа в Соединенных Штатах Северной Америки» (Фортунатов, 1882–1883). Вскоре он получил и диплом лекаря в университете. Однако артель на Кубани его не дождалась: решением Совета Петровской академии он был оставлен стипендиатом при кафедре сельскохозяйственной экономии. Таким образом, его народническое мировоззрение и задатки объективного исследователя нашли свое удачное воплощение в занятиях статистикой и педагогикой. С этого пути он уже не сходил.

Воспоминаниям об учителях Фортунатов позднее посвятил большую статью (Фортунатов, 1917). Своими наставниками он называл восемь человек — ученых разного профиля: А. И. Чупрова, В. И. Герье (Московский университет); П. Ф. Лесгафта, С. П. Боткина (Медико-хирургическая академия); К. А. Тимирязева, И. А. Стебута, К. Э. Линдемана и Г. Г. Густавсона (Петровская академия). В этом списке помимо сугубо личных впечатлений о людях отразились принципиальное убеждение Фортунатова в единстве научного знания, присущий ему менталитет ученого-энциклопедиста.

Собственно сельским хозяйством он никогда не занимался, не был он и землевладельцем. В конце жизни он с иронией вспоминал свой практический опыт, состоявшийся в 1885 году на даче В. И. Орлова: «Совместно с М. Е. Шатерниковым я изучал практически огородничество под руководством покойной жены моей Александры Александровны, которая к концу лета признала, что из Мих. Евг. Шатерникова может выйти толк, а мне посоветовала „вернуться к книжкам“» (Фортунатов, 1925: 238–239).

2 Звание кандидата получали выпускники университетов и Петровской академии, имевшие дипломы с отличием, то есть высшие баллы на экзаменах, и защитившие дипломную работу (кандидатскую диссертацию). Выпускники с более низкими баллами не писали выпускных работ и получали в Петровской академии звания агрономов, на медицинских факультетах университетов — лекарей.

За годы студенчества Фортунатов, по его собственному признанию, прочитал «Капитал» трижды. Одной из первых его публикаций стал некролог К. Маркса, вышедший без подписи в газете «Московский телеграф»[3]. Статья проникнута глубоким почитанием Маркса, которого молодой автор характеризовал как «самого даровитого и самого глубокого из современных экономистов», который «как ученый имел мало себе равных». В особую заслугу ему ставилась сила теории: «обладая громадною эрудицией, Маркс не расплывался, однако ж, в массе накопленного им сырого материала (как расплывается, например, Рошер), но всегда являлся царем этого материала и освещал его гениальными мыслями». Вслед за краткой биографией лаконично излагалась суть учения первого тома «Капитала» без каких-либо оценок. Аграрная концепция Маркса трактовалась Фортунатовым следующим образом: «В сфере земледелия крупная промышленность уничтожает опору старого общинного строя — крестьянина и заменяет его наемным рабочим, батраком. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве утеснения работника, но, в то же время, и в искусстве грабежа почвы» (Фортунатов, 1883).

Однако марксистом Фортунатов не стал. Он искал альтернативы капиталистическому развитию, но находил их не в марксистской политэкономии, и чем дальше, тем больше он становился оппонентом тех, кто называл себя марксистами.

Спустя 22 года, издавая посмертно книгу своего друга Н. А. Карышева, он счел необходимым дать свой комментарий к приведенной там той самой цитате из Маркса о капитализме, якобы грабящем почву: так можно было говорить во времена Либиха, замечал Фортунатов, однако «закон возврата» отвергнут наукой, и на самом деле «производство рыночных продуктов не требует со стороны крупного хозяина непременного одностороннего истощения почвы» (Фортунатов, 1905: 238).

Соотношение исследовательского и преподавательского компонентов в научном наследии Фортунатова

Особенности научной работы Фортунатова трудно понять без учета того, что в ней превалировало педагогическое, преподавательское начало, то есть он был прежде всего ученым говорящим, а не пишущим.

Его преподавательская деятельность началась внезапно, когда совет академии поручил ему провести курс сельскохозяйственной

3 Авторство статьи устанавливается по библиографии: Фортунатов, Фортунатов, 1957.

экономии вместо заболевшего профессора Шишкина. Спустя 40 лет он так вспоминал свою первую лекцию: «Когда (17 января 1884 г.) я взошел на кафедру физической аудитории и когда сел на стул, то с ужасом заметил, какой я недомерок: ноги не достигали пола аудитории» (Фортунатов, 1924: 25). Сохранившиеся в архиве черновики конспекта той вводной лекции позволяют узнать, о чем именно в тот день он говорил студентам. Здесь нас поджидает маленькая сенсация. Объясняя сущность сельского хозяйства, Фортунатов сформулировал оригинальное определение: сельское хозяйство есть «биологическая технология»[4]. Считается, что термин «биотехнология» появился лишь в XX веке, теперь можно утверждать, что это не так. Однако Фортунатов не развил эту мысль, и в его опубликованных работах такое определение не встречается. Позднее он развивал представление о сельском хозяйстве как об общественной деятельности человека, а не технологии. Но на этом примере видно, что опубликованное составляет лишь часть научного наследия Фортунатова. Можно предполагать, что многое, о чем он говорил студентам на лекциях и семинарах, не нашло отражения в его лаконичных книгах и статьях.

В качестве другого примера можно взять его отношение к крестьянской общине. Фортунатов был убежденным сторонником этого института, и общиннофильство было важной частью его мировоззрения, но, читая его научные труды, не просто найти этому подтверждение. Об этом, конечно, свидетельствует его предисловие в известной книге В. П. Воронцова «Крестьянская община». Но по содержанию это предисловие — сугубо эмпирическая статья «Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства», которая обобщала сведения по истории становления земских исследований до 1892 года и в тексте которой нет авторской позиции по общине. В приветствии Московскому областному съезду местных агрономов в 1911 году Фортунатов недвусмысленно высказался в пользу «коллективного мирского владения» землей, но это, кажется, единственный случай, причем не в научной работе, а в стенограмме выступления (Труды, 1911: 41). В других случаях он лишь выражал мнение, что община не препятствует техническому прогрессу.

Однозначно увидеть его позицию можно в личной переписке, в частности из письма Кауфману 27 декабря 1897 года: «А я вот до сих пор не поделился с Вами впечатлением от Вашей „Крестьянской общины“, которую я с наслаждением штудировал в январе и которую сделал предметом особого сообщения на статистическом семинаре. Всю осень с сентября по декабрь мой экземпляр Вашей „Общины“ ходил по студенческим рукам. В курсе нынешнего года я читал 3 лекции об общине и опять рекомендовал Вашу

4 Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (ЦГА Москвы, ОХД). Ф. 642. Оп. 1. Д. 245. Л. 6, 9.

книгу. Последняя моя лекция имела боевой характер (для самого меня неприятный) вследствие объявившейся атаки заядлых неомарксистов на поземельную общину»[5]. Из этого письма ясно видна не только идейная позиция Фортунатова, его конфликт с марксизмом, но и характер его работы со студентами, которая строилась на активном обсуждении в аудитории актуальных проблем. Между тем ни в одном его опубликованном учебном пособии нет ничего подобного.

Очевидно, в печатных работах Фортунатов целенаправленно отсекал свою мировоззренческую позицию от систематического изложения материала, ограничиваясь лишь последним. В тех его работах, где встречается разбор какой-нибудь теоретической проблемы, обычно давалась лишь добротная сводка мнений других авторов в лучшем случае с указанием о согласии или несогласии с той или иной позицией. Вот почему только по его печатным трудам сложно составить полное представление о широте его интересов, о его действительной позиции по тому или иному вопросу, о его реальном вкладе в научную мысль. Его мысль жила в аудитории и лишь в какой-то мере осталась на страницах книг.

Фортунатовские аудитории

Основные вехи преподавательской карьеры Фортунатова таковы. 10 лет, с января 1884 по январь 1894 года, он преподавал в Петровской академии. Первый год замещал отсутствовавшего А. Н. Шишкина. Программа первого курса сельскохозяйственной экономии Фортунатова сохранилась[6], и из нее видно, что он построил его не по схеме Шишкина, а по модели университетского курса прикладной политэкономии А. И. Чупрова, то есть его основным содержанием была не организация частного имения, а характеристика сельского хозяйства России как отрасли экономики. Это придавало лекциям Фортунатова статистический характер, ведь в университетах XIX века статистикой называлось описание количественных параметров государства, общества, народного хозяйства и его отраслей. Недаром, по его признанию, помощь в подготовке лекций ему оказывал В. И. Орлов, глава московского земского статистического бюро (Фортунатов, 1925: 241). В принципе статистику в Петровской академии, как и во всех университетах, преподавали вместе с политической экономией, это были предметы одной кафедры, но на деле профессору И. И. Иванюкову обычно не хватало времени на эту часть предмета. (Как вспоминал бывший студент, «лекции по общей статистике Иван Иванович читал… в очень не-

5 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5101. Оп. 1. Д. 197. Л. 6. Благодарю Катю Бруиш за указание на этот источник.

6 ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Оп. 1. Д. 245.

большом количестве, далеко не заканчивая курса»[7].) Возможно, поэтому с 1885 года в академии было решено ввести фортунатовский курс под названием «Сельскохозяйственная статистика» как новый, отдельный предмет при кафедре сельскохозяйственной экономии.

В течение нескольких следующих лет профессор Шишкин повторял свой основной курс и почти ничего не писал, тогда как Фортунатов, состоявший сверхштатным (1884–1886), затем штатным доцентом его кафедры, интенсивно прогрессировал: писал статьи, собирал материалы для диссертации и главное — налаживал связи с набиравшим силу земско-статистическим движением. Лично он участвовал в земских обследованиях совсем немного: в 1881 году описывал под руководством К. А. Вернера частновладельческие хозяйства Можайского и Звенигородского уездов Московской губернии и в 1883 году начинал работать в статистическом отделении московского земства (Фортунатов, 1925: 238, 240–241). Но будучи преподавателем сельскохозяйственной статистики главного аграрного вуза, он стал одним из центров кристаллизации земско-статистического движения. Кроме того, с 1882 по 1888 год он состоял секретарем Статистического отделения Московского юридического общества (председатель — А. И. Чупров). Он регулярно выступал с обзорами работ и совещаний земских статистиков. Сохранившаяся его переписка с главами губернских статистических бюро — В. И. Орловым, Н. А. Каблуковым, В. Н. Григорьевым, К.А. и И. А. Вернерами и др. — свидетельствует о его глубокой вовлеченности в их работу. К нему обращались с просьбами подыскать или рекомендовать сотрудников из числа бывших студентов, спрашивали методических советов, просили помочь с написанием текстов, искали источники. Характерный штрих: глава московских статистиков Н. А. Каблуков переадресовал просьбу некоего исследователя найти редкий том земско-статистических сборников по Новозыбковскому уезду за 1889 год: «Я решил, что единственное лицо, у которого эта книга есть, — это Вы; если же и у Вас ее нет, то достать нигде нельзя»[8].

В этот период выработался и фортунатовский лаконичный стиль. Слушавший его ранний курс В. Г. Бажаев вспоминал: «Лекции Алексея Федоровича имели строго законченный вид: богатое содержание прекрасно гармонировало с сжатой и чеканной формой изложения. Ни одного слова нельзя было ни убавить, ни прибавить»[9].

В 1890 году правительство закрыло Петровскую академию, оставшиеся в ней студенты продолжали обучение до 1893 года. Чтобы сохранить статус, Фортунатову было необходимо защитить диссертацию. Он сделал это в марте 1893 года по книге «Урожаи ржи в Европейской России». Защита прошла в Петровской академии

7 ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Оп. 1. Д. 518. Л. 9.
8 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 377. К. 3. Д. 7. Л. 14.
9 ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Д. 456. Л. 11.

и принесла ему степень магистра сельскохозяйственных наук. Поскольку для профессорской должности в сельскохозяйственных вузах докторской степени не требовалось, этого было достаточно, чтобы уже через неделю после защиты Фортунатов стал экстраординарным профессором. Однако правительство решило, что профессора Петровки не должны работать в созданном после закрытия академии Московском сельскохозяйственном институте.

А. И. Чупров хлопотал о возможности для него перейти в Московский университет, но начальство отказало[10]. Ему предлагали перейти в Министерство земледелия, но он отказался. Он явно не был создан для государственной службы. Как вспоминал Д. Н. Прянишников, «и в 80-х годах, когда даже самые либеральные профессора редко могли избегнуть виц-мундира, А.Ф. никогда не носил светлых пуговиц, не ходил к молебнам в царские дни...» (Прянишников, 1925: 107). Сам он вспоминал: «Посмотрев условия службы и узнав, что там надо являться в Министерство ежедневно на определенные часы, отказался, предпочел сохранить за собой прежнее занятие и поехал профессором статистики в отдаленную Новую Александрию» (Фортунатов, 1925: 246).

Новая Александрия — маленький городок в Польше в 120 верстах от Варшавы, где располагался второй (из двух) аграрный вуз России. Там директорствовал В. В. Докучаев, а кафедру сельскохозяйственной экономии занимал А. И. Скворцов. А. Ф. Фортунатова сначала прочили на кафедру политэкономии и статистики, но затем изменили структуру, отдав Скворцову политическую и сельскохозяйственную экономии, а для него создав кафедру «статистики общей и специальной (сельскохозяйственной и лесной)» с добавлением курса законоведения. Последний предмет он ненавидел, зато с благодарностью начал вспоминать Шишкина, который некогда включил ему в инструкцию для аспирантских занятий помимо прочего различные разделы правоведения, считая их полезными для склонного к крамоле молодого человека: «Я особенно обязан именно А. Н. Шишкину указанием важности правоведения для агрономического образования» (Фортунатов, 1899: 913). Там он прожил пять лет.

В 1899 году благодаря протекции А. И. Чупрова и В. И. Ковалевского Фортунатов вырвался из глухой провинции, получив кафедру сельскохозяйственной экономии и статистики агрономического отделения только что созданного Киевского политехнического института. Одновременно он преподавал в коммерческом училище, а также в качестве приват-доцента в университете Св. Владимира. Но все его мысли были о возвращении в Петровское-Разумовское. Позднее он назовет период жизни между 1894 и 1902 годами своим 100-месячным изгнанием. Оно закончилось после смерти К. А. Вернера, занимавшего в МСХИ кафедру сельскохозяйственной эконо-

10 ОР РГБ. Ф. 377. К. 5. Д. 63. Л. 34, 35.

мии и сельскохозяйственной статистики: в тот же день директор института отправил ему письмо с предложением принять эту кафедру.

В МСХИ — Петровской — Тимирязевской академии Фортунатов снова преподавал с сентября 1902 года до конца жизни, став своеобразным хранителем традиций Петровки. Он преподавал очень много, совмещая до революции основное место работы с еще четырьмя-пятью: вел различные курсы (политэкономии, статистики и экономической географии) в Московском техническом училище, Народном университете Шанявского, Московском коммерческом институте, на Голицынских женских сельскохозяйственных курсах и одно время даже выезжал в Петербург читать на Каменноостровских сельскохозяйственных курсах. В архиве хранятся листки его расписаний и отчетов о проведенных занятиях, которые он заполнял для себя: согласно им у него бывали целые месяцы без единого выходного дня[11]. «Петровцы знают, — писал А. В. Чаянов, — чем были для них фортунатовские пятницы и воскресенья, и не даром Алексей Федорович вагоны петровско-разумовского паровичка[12] причисляет к разряду своих аудиторий» (Чаянов, 1991: 373).

Помимо своих основных предметов Фортунатов много лет вел для первокурсников МСХИ курс «Введение в агрономию», в котором развивал идею об агрономии как интегральной науке о сельском хозяйстве. Поэтому его учениками считали себя не только те старшекурсники, которые писали работы у него в семинаре, но буквально все студенты. Недаром о нем с теплотой отзывался и растениевод И. В. Якушкин, и генетик Н. И. Вавилов, и др.

Зоолог В. Н. Шнитников, учившийся у Фортунатова еще в Новой Александрии, дал ему такую личную характеристику: «Это был милейший и добрейший человек... Алексей Федорович иногда любил щегольнуть своей памятью. Например, встретив какого-нибудь бывшего студента, который у него учился лет 10 назад и которого он и тогда знал только как одного из массы курса, он обращался к нему по имени и отчеству. Зачем ему понадобилось когда-то узнавать имена и отчества всех студентов и как он мог их помнить через 10 и даже 20 лет, когда мимо него проходили сотни и тысячи этих студентов, было для нас необъяснимо... Фортунатов постоянно приводил в смущение студентов своей изысканной вежливостью. Как ни старались мы при встрече с ним приветствовать его первыми, это далеко не всегда нам удавалось. Увидев его приближение, только приготовишься снять фуражку и поздороваться с ним, а Алексей Федорович уже снял свою черную шелковую кепку-блин и приветливо раскланивается с тобой, неизменно называя тебя по имени и отчеству. И хоть бы раз он спутал эти самые имена и отчества!..» (Шнитников, 1958: 127). Думается, за этой особенно-

11 ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Оп. 1. Д. 310.

12 Петровское-Разумовское находилось вне черты Москвы и соединялось с Москвой узкоколейной железной дорогой.

стью — помнить имена — у Фортунатова стояла не просто хорошая память, но прежде всего интерес к личностям учеников — первый признак педагогического таланта.

Формально с 1909 года он был на пенсии как прослуживший 25 лет, но фактически его жизнь не менялась. Срок его работы в МСХИ был продлен сначала на 5 лет; с 1913 года его вывели за штат, но с сохранением кафедры еще на 5 лет в качестве сверхштатного ординарного профессора, а за несколько дней до свержения монархии министерство присвоило ему редкое звание «заслуженный профессор»[13].

Кроме того, Фортунатов многие годы вел на дому уроки по гимназической программе с детьми своих коллег. Среди писем, адресованных ему, встречаются подробные отчеты Миши Скворцова (сына А. И. Скворцова) о пройденном в гимназии, сообщения Н. А. Карышева об учебе и оценках его детей — всех их Фортунатов когда-то учил и продолжал интересоваться их судьбой. Уже взрослый М. А. Скворцов писал ему в 1923 году: «Вспоминаю часто наши уроки с Вами и всю нашу ново-александрийскую жизнь»[14]. Известно, что и в последний день своей жизни, 12 апреля 1925 года, А. Ф. Фортунатов утром давал консультацию студентам, а вечером — урок латыни дочери Д. Н. Прянишникова (Прянишников, 1925: 106).

Общее количество людей, прошедших через многочисленные «фортунатовские аудитории», не поддается подсчету.

Чему учил Фортунатов

Работы Фортунатова были посвящены широкому кругу тем: здесь и собственно статистика, и экономическая география, и кооперация, и проблемы педагогики и организации высшего образования, и методология агрономии, и некрологи и мемуары, и др. Но если говорить о ключевой фортунатовской теме, то это общественная агрономия. Хотя с точки зрения количества написанного Фортунатовым она (и это еще один парадокс) занимает в его библиографии весьма скромное место.

Общественной агрономией в начале XX века называли деятельность неправительственных, земских участковых агрономов. Первые агрономы, нанятые земствами, появились в некоторых губерниях еще в 1870-е годы, постепенно появлялись земские агрономы на уровне уездов, по мере роста их числа сокращалась территория, которую они обслуживали; участковыми называли агрономов, действовавших в пределах нескольких волостей. На эту работу часто целенаправленно шли люди с народническим мировоззрением. Они

13 Формулярный список А. Ф. Фортунатова: ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 228. Оп. 2. Д. 317. Л. 41–50.

14 ОР РГБ. Ф. 377. К. 4. Д. 85. Л. 9.

ориентировались преимущественно на крестьян, а не на крупных землевладельцев, стремились не только заниматься распространением агрономических знаний, но и прививать крестьянам кооперативные идеи, организовывать закупку сельскохозяйственного инвентаря, семян на кооперативной основе.

Настоящий взлет земской агрономии пришелся на период демократизации, который начался в годы первой российской революции и совпал с периодом столыпинской аграрной реформы. Реформа в то же время создавала и почву для конфликтов между земской агрономией и правительственной. Правительственная агрономия не спускалась ниже уровня уезда и была изначально нацелена на помещичье хозяйство, а в годы реформы — на землеустройство крестьянских хозяйств, выходящих из общины. Получалось, что земские агрономы работали с крестьянской общиной, а правительственные — на ее разрушение. Именно в этот период бурного роста, конфликтов и дискуссий о путях дальнейшего развития сельского хозяйства в среде земских агрономов и статистиков постепенно оформилось осознание себя как нового субъекта сельскохозяйственного производства, как самостоятельного общественно-экономического движения, своеобразного авангарда крестьянского хозяйственного подъема. Это самосознание и отразилось в не очень четко определенном названии «общественная агрономия».

Какое отношение к этому течению имел Фортунатов? Его ученики считали, что непосредственное: «Общественная агрономия выросла и вышла из фортунатовской аудитории. Фортунатов сделался ее апостолом», — говорил И. В. Якушкин (Фортунатов, 1924: 12). «Вся история идейного развития нашей общественной агрономии связана с именем Алексея Федоровича», — утверждал другой его ученик (Фабрикант, 1916: 2). Сборник статей Фортунатова, изданный в 1920 году, носил название «Сборник статей по общественной агрономии». Однако сам автор в предисловии к нему дистанцировался от этого термина: «Выражения „общественная агрономия“ и „агрономическая помощь“ пущены в ход покойным В. Г. Бажаевым[15]. Я лично несу ответственность только за выражение „земский агроном“. Очень рад был бы искоренить его неправильное и столь распространившееся применение, но теперь уже поздно» (Фортунатов, 1920: 3–4).

Славу родоначальника общественной агрономии ему принесла статья «Земство и агрономия», вышедшая в 1893 году в журнале «Русская мысль». В ней он изложил свои представления о том, кто такой агроном, каковы задачи агрономии по отношению к кре-

15 Бажаев Владимир Гаврилович (1865–1916) — в 1890-е годы земский агроном Московской губернии, с 1903 года — преемник А. Ф. Фортунатова на кафедре сельскохозяйственной экономии и статистики в Киевском политехническом институте.

стьянскому хозяйству и какой должна быть организация агрономической работы на местах. Остановимся на тезисах этой статьи.

Прежде всего Фортунатов емко выразил свое видение сущности экономических проблем крестьянства, которое заключалось в одной фразе: «Главными причинами современной крестьянской бедности являются относительное (при данном уровне техники) малоземелье и тесно связанная с этим малоземельем скудость капиталов в крестьянском хозяйстве» (Фортунатов, 1893: 210). В соответствии с этим указывались пути решения проблемы: «Поднять валовую производительность крестьянского земледелия можно двумя путями: увеличивая размеры крестьянского землепользования и увеличивая производительность земельной единицы. Эти пути отнюдь не исключают друг друга; напротив, они должны один другому содействовать. Первый путь пока следует признать главным, но и второй имеет полное право на одновременное существование. Содействие агрономической науки может облегчить движение правительственных и общественных мероприятий по обоим названным путям» (Фортунатов, 1893: 211).

Далее развивалась оригинальная фортунатовская идея об агрономии как комплексной, интегральной науке, предмет которой охватывает все сельское хозяйство — от его химико-биологических основ до принципов организации хозяйства и сельского быта. Задачей агрономического образования с этой точки зрения виделась прежде всего научная подготовка специалиста. Агроном, по Фортунатову, — это человек, прошедший научную школу, способный к самостоятельной исследовательской работе. Навыки же практической деятельности должны приобретаться им в процессе самой практики.

Исходя из этого, Фортунатов утверждал, что агрономы, работающие в земствах, должны начинать с изучения условий своей местности и далее приспосабливать всю работу к этим местным условиям. Поэтому район их деятельности не должен быть слишком большим. Господствовавший в то время принцип «один агроном на целую административную единицу, губернию или в лучшем случае уезд» не годился. Требовались более мелкие участки: «Вопрос о размерах местности мы считаем чрезвычайно важным вопросом для целесообразного устройства земской помощи крестьянскому хозяйству. Так как для агронома положительно необходимо основательное знакомство с районом деятельности, район этот не может превышать размеров той площади, которая доступна изучению одного лица в определенный срок» (Фортунатов, 1893: 213–214). Достаточным сроком он считал один год, а районом — две волости средней величины, то есть примерно тысячу крестьянских дворов.

Изучение местности агрономом включало два основных момента. Во-первых, проанализировать «естественные условия сельскохозяйственного производства», то есть составить объективную картину условий географии, климата, почв и др. Во-вторых, проводить опросы местного населения, изучать приемы их хозяйствова-

ния. Фортунатов был не согласен с теми, кто считал, что агроном должен только учить крестьян и перестраивать их хозяйствование на научных основах. Чтобы реформировать крестьянское хозяйство, полагал он, надо сначала изучить существующие приемы его ведения. Помимо прочего «нужно быть довольно близоруким наблюдателем, чтобы утверждать... будто бы „в крестьянском хозяйстве нельзя заметить признаков действительного прогресса“. На какую сторону хозяйства ни взглянуть, везде при сравнении с прошлым можно увидеть несомненный прогресс, хотя, конечно, в общем среднем выводе прогресс этот не велик, и желательно изменить его темп с помощью общественных мероприятий» (Фортунатов, 1893: 219). В плане изучения местного опыта ученый также рекомендовал земским агрономам обязательное знакомство с расположенными на территории волости частновладельческими хозяйствами, не входящими в сферу их прямой компетенции.

Внедрение инноваций в крестьянском хозяйстве, подчеркивал автор, должно происходить исключительно на добровольных основах. Методы, имеющиеся в арсенале агронома, виделись только такими: «Каким именно путем могут земские агрономы проводить в жизнь те технические приемы, которые, на их взгляд, должны поднять местное крестьянское хозяйство? Путь обязательных постановлений, к счастью, кажется, покинут земскими учреждениями... Остаются путь убеждения и путь демонстрации. Мы полагаем, что первенствующее значение должно принадлежать убеждению, за которым должна следовать демонстрация» (Фортунатов, 1893: 223).

Эта фортунатовская статья, которая может показаться не слишком глубокой, а отчасти даже банальной, стала для своего времени во многом новаторской. И, по-видимому, очень своевременной. Во-первых, это было время, получившее у интеллигенции название эпохи «малых дел». Царский режим не только задавил политическую оппозицию, но и блокировал все сколько-нибудь заметные общественные инициативы. Вопрос «что делать?», актуализированный голодом 1891–1892 годов, стоял в умах социально активной части общества, особенно молодежи, очень остро. Фортунатов предложил конструктивный вариант ответа. Тем студентам, которые, как он сам в юности, мечтали учить крестьян и самим у них учиться, он объяснил, как и с чем идти к крестьянам. Во-вторых, думается, фортунатовская статья отразила давно зревший запрос на переориентацию высшего аграрного образования с обслуживания коммерческого помещичьего хозяйства на систематическую работу в крестьянской среде, на приложение науки к решению проблем крестьянского хозяйства во всей их конкретности и локальности.

Мысли Фортунатова о создании в России системы агрономической помощи крестьянству, конечно, питались опытом западноевропейских стран с их «странствующими» профессорами и кафедрами, они перекликались с выступлениями М. В. Неручева, А. И. Чупрова и др., в разные годы также писавших о необходимости такой

системы. Различие между ними и Фортунатовым было в том, что он писал о сети местных агрономов, работающих на сравнительно мелких, ограниченных территориальных участках на постоянной основе. Но в этих двух принципах — постоянности и локальной привязке, пожалуй, и была вся соль.

Между прочим, на аналогичных началах в 1910–20-е годы выстроилась система агрономической помощи фермерам в США (Тулайков, 1923: 12–17). Хотя объектом воздействия американских местных агрономов было не крестьянское, а предпринимательское хозяйство и их работа финансировалась правительством через колледжи, но среди их важнейших целей также было и кооперирование фермеров, и развитие всех аспектов социальной жизни сельских территорий — почти так, как это мыслили российские народники умеренного, фортунатовского толка.

«Я лично несу ответственность только за выражение „земский агроном“», — скромно говорил Фортунатов. Однако, по сути, его статья наметила программу развития российской «участковой агрономии» на следующую четверть века. В том же ключе все это время строились и его занятия со студентами. В МСХИ он с 1906 года ввел специальный курс «Общественная агрономия», который затем передал Чаянову, многие земские агрономы являлись его учениками, и недаром его приветственная речь на первом пленарном заседании Московского съезда деятелей агрономической помощи населению в 1911 году была «встречена громом аплодисментов» (Труды, 1911: 42). В ней он среди прочего четко расставил и приоритеты в работе местных агрономов: «...для всей общественной агрономии в целом цель — прежде всего население, а потом уже земледелие, не человек для субботы, а суббота для человека» (Труды, 1911: 41). Иными словами, его приоритеты имели не экономический, а социальный характер.

«Философия агрономии» Фортунатова

Понятие «общественная агрономия» было созвучно и другой фортунатовской идее об агрономии как общественной науке. По-видимому, именно ее имели в виду, когда говорили о «философии агрономии» Фортунатова. Краткое изложение этой концепции содержится в его учебных пособиях.

Агрономию он отождествлял с сельскохозяйственной наукой вообще. В ней выделялись две равноправные ветви: агрономическое естествоведение и агрономическое обществоведение. Правомерность второго аргументировалась тем, что «сельское хозяйство принадлежит общественной жизни... растения и животные делаются сельскохозяйственными только при посредстве человека, живущего общественной жизнью» (Фортунатов, 1903: 11). Обществоведение в его понимании носило экономический характер: «Понятие агрономического обществоведения совпадает с понятием сельскохо-

зяйственной экономии в *широком* смысле слова. При таком широком понятии предмет сельскохозяйственной экономии — сельскохозяйственная деятельность человека, взятая во всей совокупности... в агрономическом обществоведении изучается преимущественно живущий в обществе человек, субъект сельского хозяйства...» (Фортунатов, 1908: 3). Эта наука, в свою очередь, распадалась в его схеме на четыре: «В современном составе агрономического обществоведения 4 главные части: 1) сельскохозяйственная экономия в тесном смысле слова, 2) сельскохозяйственная статистика, 3) история сельского хозяйства и 4) сельскохозяйственное правоведение» (Фортунатов, 1908: 3).

Далее Фортунатов давал свои определения предметов этих наук. В них примечательно, пожалуй, противопоставление сельскохозяйственной экономии (в узком смысле) статистике и истории. Первая, в его понимании, наука дедуктивная, разновидность политэкономии, а ее предмет — проявления «хозяйственности» (хозяйственного расчета) в социальной жизни. Две другие науки — индуктивные, «стремятся к пониманию сельскохозяйственной деятельности человека в ее реальном, конкретном проявлении, где наряду с хозяйственностью действуют и многие другие стремления человека» (Фортунатов, 1908: 4). Для них, особенно для статистики, он использовал термин «наблюдательное обществоведение».

Фортунатовская концепция агрономических (сельскохозяйственных) наук воспроизводилась им в отдельных печатных лекциях начиная по крайней мере с 1897 года и далее в учебных пособиях «Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства», выдержавших с 1908 по 1925 год шесть изданий. Однако ее не восприняли другие ученые, и после его смерти она была забыта.

От классификации систем хозяйства — к специфике крестьянского хозяйства

А. Ф. Фортунатов, по-видимому, одним из первых в российской аграрно-экономической литературе сформулировал проблему классификации хозяйств (сельскохозяйственных предприятий) по двум основным типам — натуральному и рыночному (меновому). До него в академической сельскохозяйственной экономии разрабатывались типологии систем земледелия, систем сельского хозяйства, систем полеводства, севооборотов и классификации хозяйств по размерам: крупное, среднее, мелкое, карликовое и т. п. Но данный аспект — отношение к рынку — был новым. Впервые ученый высказал свое мнение по этой проблеме в 1895 году, когда трудился над очерком для знаменитой коллективной монографии о влиянии урожаев и цен на сельское хозяйство, в концепции которой этот вопрос в итоге стал ключевым.

Принципиальное различие между двумя типами хозяйств виделось ему в целях их деятельности: «В каждом сельскохозяйственном предприятии главной целью существования может быть производство продуктов или для непосредственного потребления в самом хозяйстве или для отчуждения на сторону при помощи продажи» (Фортунатов, 1895: 9). Изучение соотношения между этими двумя типами он выделял как актуальную задачу сельскохозяйственной статистики: «Не затрудняемся назвать одной из важнейших задач современной сельскохозяйственной статистики нашего отечества разъяснение вопроса о современных количественных соотношениях натурального и менового хозяйства в России» (Фортунатов, 1895: 10).

После выхода книги вокруг вопроса о натуральном крестьянском хозяйстве развернулись бурные дискуссии в российской экономической печати, впрочем, написанный Фортунатовым очерк «О связи хлебных цен и урожаев с некоторыми изменениями в русском земледелии» оказался снова сугубо эмпирическим и одним из наименее полемичных (Влияние, 1897: 247–266).

На рубеже XIX–XX веков целый ряд экономистов народнической и неортодоксально-марксистской ориентации (в России — Н. А. Каблуков, С. Н. Булгаков и др., в Европе — Ф. Герц, Э. Давид и др.) предприняли попытки теоретически обосновать экономическую специфику крестьянского хозяйства как потребительского, трудового, нерыночного и потому не подверженного капиталистической трансформации. Фортунатов также внес свою скромную лепту в это течение. Избегая, как обычно, широких теоретических построений, он вступил в полемику (кстати, редкий, нетипичный для него жанр) со своим коллегой по Ново-Александрийскому институту А. И. Скворцовым. Скворцов был антиподом Фортунатова, марксистом в теории и либералом в экономической политике. В своем курсе «Экономика земледелия» он классифицировал хозяйства по товарной специализации и учил студентов методам организации рыночно ориентированного хозяйства.

Главная претензия Фортунатова к Скворцову — «игнорирование потребительского хозяйства и сосредоточение внимания только на меновом хозяйстве» (Фортунатов, 1902: 13). Между тем нерыночные, некапиталистические хозяйства составляют некий значительный пласт хозяйств. Этот факт и должен быть, по убеждению Фортунатова, исходной точкой экономической классификации: «Нам кажется, что в основу разделения систем хозяйства с *экономической* точки зрения следовало бы положить отношение сельскохозяйственных предприятий к сбыту продуктов. Тогда двумя главными группами хозяйств были бы хозяйства, в которых преобладает производство для собственного потребления (потребительские) и хозяйства с преобладанием продуктов для отчуждения. Дальнейшее разделение могло бы уже делаться по интенсивности и по преобладанию тех или иных технических отраслей» (Фортунатов, 1902: 15).

Отметим, что в классической сельскохозяйственной экономии, начиная с А. Тэера, целью всякого хозяйства считалось получение максимального чистого дохода независимо от отношения к рынку. Фортунатов придерживался другой точки зрения: «Для потребительского хозяйства валовой доход важнее, чем чистый; размер желательного валового дохода определяется, прежде всего, потребностями работника» (Фортунатов, 1908: 74). В своих лекциях он прямо дистанцировался от сторонников «доктрины чистого дохода» (Фортунатов, 1908: 12, 14).

Таким образом, Фортунатов утверждал качественное различие в организации натурального (крестьянского по преимуществу) и рыночного хозяйства. Этот тезис является необходимым исходным пунктом для построения специальной теории крестьянского хозяйства. Однако своей теории крестьянского хозяйства он не выработал. В своих лекциях по сельскохозяйственной экономии он подчеркивал, что в науке «для потребительской формы хозяйства не предлагается никаких схем организационного плана» (Фортунатов, 1908: 67). Честь создания теории крестьянского хозяйства, которая могла быть положена в основу организационного плана, выпала на долю его ученика Чаянова. Незадолго до смерти Фортунатов сделал мужественное признание: «У старости есть одна неприятная черта, это завистливость... С удовольствием отмечаю, что в этом отношении я как будто бы несколько помолодел, по крайней мере совсем отделался от той завистливости, которая, например, меня одолевала 10 лет назад к моему счастливому сопернику и преемнику А. В. Чаянову» (Фортунатов, 1924: 27).

Как учил Фортунатов

Фортунатов был известным сторонником максимально свободной формы обучения студента в вузе. Его взгляды на высшее образование изложены в ряде статей и брошюр 1890–1900-х годов, многие из которых позднее вошли в сборник «По вопросам научной школы».

Их суть заключалась в том, что подлинно высшее образование есть образование научное, которое возникает в процессе самостоятельной исследовательской работы учащегося. Роль преподавания сводилась к своеобразному интеллектуальному родовспоможению: «...Все приемы обучения оказывают только некоторую акушерскую помощь тому, что человек делает сам» (Фортунатов, 1916: 77). Преподаватель, профессор есть прежде всего коллега, сотрудник студента, поскольку в процессе научного творчества все равны. Доступ к высшему образованию, по убеждению Фортунатова, должен быть открыт всем, для зачисления в студенты не обязательно даже свидетельства о среднем образовании, если человек имеет достаточный уровень самообразования. Экзамены в вузе в принципе вредны. В вузе вообще не может и не должно быть некоего обязательного

минимума знаний. Высшая школа должна быть не вузом, а нузом — научным учебным заведением. Фортунатов считал, что «письменное изложение самостоятельного исследования на свободно выбранную тему должно явиться единственною формою контроля над тем, что делается учащимся в школе» (Фортунатов, 1924а: 4). Соответственно дипломы следовало бы отменить или заменить отзывами профессоров о качестве выполненной и защищенной студентом работы. Управление высшей школой должно строиться на широком студенческом самоуправлении.

Фортунатов восставал против утверждения, что высшая школа должна готовить профессионалов-практиков. Единственная практика, которая доступна студенту, — это практика самостоятельной работы по добыванию знаний и усвоению навыков их добывания. В этом смысле высшее образование не может быть профессиональным. Профессиональная специализация должна происходить на месте работы или службы вместе с освоением практических навыков.

Наиболее благоприятные возможности для реализации таких принципов преподавания перед Фортунатовым открылись в межреволюционные годы. Насколько можно понять по архивным материалам, он примерно с 1906 года трансформировал свои большие поточные лекционные курсы сельскохозяйственной экономии и статистики в модули, состоящие из занятий в форме лекций-бесед по отдельным темам. «Введение в агрономию» для первокурсников оставалось более структурированным, определенный стандартный костяк тем имел и курс общественной агрономии. Но в основных своих дисциплинах Фортунатов варьировал тематику от семестра к семестру. Вот некоторые из десятков тем отдельных занятий, предлагавшихся им в 1909–1913 годы в МСХИ: «О системах хозяйства, системах земледелия и системах полевого хозяйства», «О районах угодий; из статистики лесов», «О переписях населения», «О численности населения перед войной», «О залежной системе полевого хозяйства», «Из статистики городов», «О сельском хозяйстве Германии с XVI по XVIII столетие», «Из статистики землевладения за границей и в России», «О зерновой и выгонной системах полевого хозяйства», «О посевных площадях», «Об организационном плане одного имения Воронежской губ.», «О схемах организационного плана и об информации», «Из статистики земледельческих орудий и машин», «Из статистики брачности и смертности», «Программа характеристики сельского хозяйства в определенной местности», «О системе Тейлора и возможности ее применения в сельском хозяйстве», «Об источниках для характеристики земельных условий отдельных местностей (по выбору участников беседы)», «Из Кенэ, Смита и Мальтуса о сельском хозяйстве», «О высших сельскохозяйственных школах в Горках, Петербурге, Новой Александрии», «Об агрономической школе в Петровском Разумовском», «О потребительских обществах Московской губернии в 1912 г.», «О сельском хозяйстве Древней Греции», «Из санитарной статистики», «Из ста-

тистики урожаев», «О темах и исполнении дипломных работ», «Источники сведений о земле и сельскохозяйственной работе в отдельных местностях (по выбору участников беседы)»[16] и т. д. Становится понятным, почему Фортунатов не оставил традиционного толстого «профессорского» учебника, в котором в догматической форме излагались бы знания по предмету. Не только из-за недостатка времени, но и потому, что такой учебник в его курсе был не нужен.

Становится также понятнее и то, откуда у ученых-выпускников Петровки начала XX века та широта мышления и свобода творческого поиска, которая выдвинула российскую аграрную (и, в частности, аграрно-экономическую) науку в передний ряд мировой науки своего времени и которая позднее так удивляла ученых советской школы. Они, в отличие от советских ученых, были приучены к широте и свободе мысли со студенческой скамьи. Разумеется, в этом заслуга не одного Фортунатова, но все же он сыграл здесь очень важную роль.

Вопреки мнению биографов, что Фортунатов был одним из родоначальников экономического факультета Тимирязевской академии, созданного в 1920–1922 годах (Фортунатов, Фортунатов, 1957), в действительности он был одним из немногих, кто выступал против его создания (Фортунатов, 1924а; Якушкин, 1927). Это закономерно: с его точки зрения, специализация разрушала единство научного агрономического образования. Тем не менее на новом факультете почти все кафедры возглавили бывшие фортунатовские студенты. Сам он с 1922 года читал только курс «Экономика и статистика садоводства и огородничества в России и за границей».

О чем не писал и чему еще учил Фортунатов

Фортунатов был современником всех российских революций и Гражданской войны. Однако в его наследии не встречается оценок ни революционных событий, ни политических явлений вообще. Не удалось отыскать такого рода высказываний и в архивных материалах. Это еще один фортунатовский парадокс: все его современники, писавшие по аграрным проблемам России, не избежали того, чтобы так или иначе позиционировать себя в партийно-политической борьбе, отстаивая тот или иной проект решения вопроса. Фортунатов представляет единственное известное мне исключение. Иной аграрной политики, кроме общественной агрономии, у него не было.

Б. Д. Бруцкус, студент Фортунатова по Ново-Александрийскому институту, не был его единомышленником в области экономической теории и политики. Высланный в 1922 года из СССР как «злейший враг советской власти», он в 1924 году прислал из Берлина поздравление на юбилей своему учителю, в котором среди прочего

16 ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 642. Оп. 1 Д. 310.

были замечательные слова: «Я считаю себя многим Вам обязанным. Прежде всего, ободрением к научной работе и верой в свои силы... Еще Вам обязан я тем, что Вы меня учили любить и верить в Россию. Вы этим специально не занимались, это может делаться только попутно. Тем не менее, Вы это делали не безуспешно» (Фортунатов, 1924: 36–37). Думается, любой преподаватель может гордиться таким побочным результатом своей работы.

Заключение

Экономическое мировоззрение А. Ф. Фортунатова, важнейшими элементами которого являлись: примат социального над экономическим; симпатии к общине; отношение к крестьянскому хозяйству как нерыночному, натурально-потребительскому; концепция максимизации валового дохода как цели крестьянского хозяйства, можно охарактеризовать как народническое, типичное для экономистов круга А. И. Чупрова.

Работы Фортунатова, в особенности многолетняя преподавательская деятельность, если не вполне сформировали, то способствовали формированию в российской аграрно-экономической науке представления о крестьянском хозяйстве как об основном объекте эмпирического изучения и агрономического воздействия. Фортунатов буквально переориентировал свои предметы и внимание своих студентов с теории организации частного имения, которую преподавали «сельскохозяйственные экономы» от А. П. Людоговского до К. А. Вернера и А. И. Скворцова, на изучение крестьянства и крестьянского хозяйства. Возникшее в 1910-е годы «организационно-производственное направление» уже уверенно шло в русле именно такого понимания предмета аграрной экономики. В этом, как представляется, состоит основной вклад в науку этого ученого.

Однако подавляющая часть тех идей и принципов, которые исповедовал и развивал Фортунатов, были уничтожены вскоре после его смерти. Поиск некапиталистического пути развития привел Россию к построению социализма сталинского образца. Коллективизация уничтожила крестьянское хозяйство, которое выступало ценностным ядром мировоззрения Фортунатова, а также и главным объектом его «общественной агрономии», его статистического «наблюдательного обществоведения» и желаемой им кооперации. Унификация образования и методологии науки в советском тоталитарном государстве уничтожила свободу научной мысли, обесценив тем самым и «философию агрономии», и наследие ученого в области педагогики. Сталинские репрессии погубили многих его учеников. Лишь его сугубо эмпирические работы по сельскохозяйственной статистике и географии сохраняют сегодня историографическое значение для историков, изучающих сельское хозяйство второй половины XIX — начала XX века.

Библиография

Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства (1897) /под ред. А. И. Чупрова, А. С. Посникова. Т. 1. СПб.

Кауфман А. (1909). Рец. на кн. Фортунатова А. Ф. Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства. 2-е изд. (1909) // Русская мысль. 1910. Кн. 3. Библиографич. отдел. С. 69–71.

Прянишников Д. Н. (1925). Светлой памяти А. Ф. Фортунатова // Вестник сельского хозяйства. № 5–6. С. 103–107.

Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению (1911). Ч. 1. Т. 5. М.

Тулайков Н. М. (1923). Сельскохозяйственное образование в Соединенных Штатах. М.: Новая деревня.

Фабрикант А. О. (1916). А. Ф. Фортунатов как писатель. Отдельный оттиск. СПб.

Фортунатов А. Ф. (1882–1883). Земля и земледельческая работа в Соединенных Штатах Северной Америки // Известия Петровской земледельческой и лесной академии. 1882. Вып. 2. Отд. 2. С. 140–178; 1883. Вып. 1. Отд. 2. С. 1–26.

Фортунатов А. Ф. (1883). Карл Маркс // Московский телеграф. № 64.

Фортунатов А. Ф. (1892). Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства // Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 1: Воронцов В. П. Крестьянская община. М.

Фортунатов А. Ф. (1893). Земство и агрономия // Русская мысль. № 1. С. 210–227.

Фортунатов А. Ф. (1895). Задачи русской сельскохозяйственной статистики. Новая Александрия.

Фортунатов А. Ф. (1899). Памяти А. Н. Шишкина // Хозяин. № 27. С. 907–913.

Фортунатов А. Ф. (1902). К вопросу об определениях и разделениях систем в сельском хозяйстве. Отдельный оттиск: СПб.: Тип. И. Гольдберга.

Фортунатов А. Ф. (1903). Сельское хозяйство и агрономия. Первая лекция краткого курса «Введения в агрономию». М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°.

Фортунатов А. Ф. (1905). Послесловие / Н. Карышев. Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина.

Фортунатов А. Ф. (1908). Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства. М.: Тип. Сомовой.

Фортунатов А. Ф. (1916). По вопросам научной школы. М.: Тип. Я. Г. Сазонова.

Фортунатов А. Ф. (1917). О восьми наставниках // Вестник воспитания. № 8–9. С. 140–174.

Фортунатов А. Ф. (1920). Сборник статей по общественной агрономии. Казань: Государственное издательство.

Алексей Федорович Фортунатов (1924). К 40-летию научной и общественной деятельности. 1884–1924 гг. М.: МОСХ.

Фортунатов А. Ф. (1924а). Из обмена мнений об агрономической школе // Вестник сельского хозяйства. № 5. С. 4–5.

Фортунатов А. Ф. (1925). Из воспоминаний о деятелях Московской земской статистики // Памяти Н. А. Каблукова. Сборник статей. Т. 1. М. С. 235–251.

Фортунатов Г. А., Фортунатов И. К. (1957). Алексей Федорович Фортунатов. Биобиблиографический указатель. М.

Чаянов А. В. (1991). Избранные труды. М.: Финансы и статистика.

Челинцев А. Н. (1925). Памяти А. Ф. Фортунатова // Сельскохозяйственная жизнь. № 18. С. 59–60.

Шнитников В. Н. (1958). Из воспоминаний натуралиста. 2-е изд. М.: Географгиз.

Якушкин И. В. (1927). О Фортунатове // Вестник сельского хозяйства. № 5. С. 109–111.

Alexei Fedorovich Fortunatov and the development of Peasant Studies in Russia in the late XIX—early XX centuries

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

The article considers the biography and works of the Russian agricultural economist and statistician A. F. Fortunatov (1856–1925), and focuses on the paradoxical duality of the contemporaries' estimates of this scientist as an empirical researcher and at the same time as a bright thinker. The author traces the influence of Fortunatov's ideas on the formation of the ideology and theory of "social agronomy", his contribution to the theory of non-capitalist economy, his new forms and methods of teaching "agricultural economy" and statistics, which became the intellectual preconditions for the development of the "organization-production approach". Based on the archival data the author claims that Fortunatov introduced the term "biological technology"; emphasizes the unique ideological position of Fortunatov, who was an expert in the theoretical and empirical shades of marxism, liberalism and populism in the agrarian question, and an adherent of populism who never expressed his personal criticism or approval of the turbulent social-political changes and reforms in Russia in the early XX century. The article identifies the milestones in the research and teaching career of professor Fortunatov, considers the encyclopedic diversity of his interests and publications, however sometimes of too propaedeutic-popular character. The author believes that Fortunatov was an outstanding teacher of the Russian higher school, and his grateful students can be found not only among a number of famous professors of the organization-production school, but also among hundreds and even thousands of Russian agrarians — famous and unknown, who made a significant contribution to the modernization and development of rural Russia in the first half of XX century. One of the key achievements of Fortunatov is that he reconsidered the object of the Russian agrarian economics and reoriented it from the organization of large private farms to the study of peasant economy.

Keywords: history of agrarian-economic thought, theory of peasant economy, social agronomy, organization-production school, A. F. Fortunatov, Petrovskaya Academy.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-66-89

References

Vliyanie urozhaev i khlebnykh tsen na nekotorye storony russkogo narodnogo khozyajstva (1897) [Impact of Harvests and Grain Prices on Some Aspects of the Russian National Economy] /pod red. A. I. CHuprova, A. S. Posnikova. Vol. 1. Sankt-Peterburg.

Kaufman A. (1909) Rets. na knigu. Fortunatova A. F. Neskol'ko stranits iz ehkonomii i statistiki sel'skogo khozyajstva [Review of the book: Fortunatov A. F. A Few Pages on Economy and Statistics of Agriculture]. 2-e izd. 1909. (1910). *Russkaya mysl'*. Kn. 3, p. 69–71.

Pryanishnikov D. N. (1925) Svetloj pamyati A. F. Fortunatova [In the blessed memory of A. F. Fortunatov] *Vestnik sel'skogo khozyajstva*, no. 5–6, p. 103–107.

Trudy Moskovskogo oblastnogo s»ezda deyatelej agronomicheskoj pomoshhi naseleniyu (1911) [Works of the Moscow Region Congress of the Agronomic Help to the Population]. Part 1, vol. 5. Moscow.

Tulajkov N. M. (1923) *Sel'skokhozyajstvennoe obrazovanie v Soedinennykh Shtatakh* [Agricultural Education in the Unites States]. Moscow, Novaya derevnya.

Fabrikant A. O. (1916) A. *F. Fortunatov kak pisatel'* [Fortunatov as a Writer] Otdel'nyj ottisk. Sankt-Peterburg.

Fortunatov A. F. (1882–1883) Zemlya i zemledel'cheskaya rabota v Soedinennykh Shtatakh Severnoj Ameriki [Land and agricultural work in the United States of North America]

Izvestiya Petrovskoj zemledel'cheskoj i lesnoj akademii, vol. 2, pp. 140–178; vol. 1, p. 1–26.

Fortunatov A. F. (1883) *Karl Marks* [Karl Marx]. Moskovskij telegraf, no. 64.

Fortunatov A. F. (1892) Obshhij obzor zemskoj statistiki krest'yanskogo khozyajstva [A general overview of zemstvo statistics of peasant economy] *Itogi ehkonomicheskogo issledovaniya Rossii po dannym zemskoj statistiki* [Results of the Economic Study of Russia Based on Zemstvos Statistical Data], vol. 1: Vorontsov V. P. Krest'yanskaya obshhina. Moscow.

Fortunatov A. F. (1893) *Zemstvo i agronomiya* [Zemstvo and agronomy] Russkaya mysl', no. 1, p. 210–227.

Fortunatov A. F. (1895) *Zadachi russkoj sel'skokhozyajstvennoj statistiki* [Goals of the Russian Agricultural Statistics] Novaya Aleksandriya.

Fortunatov A. F. (1899) Pamyati A. N. Shishkina [In memory of A. N. Shishkin] *Khozyain*, no. 27, p. 907–913.

Fortunatov A. F. (1902) *K voprosu ob opredeleniyakh i razdeleniyakh sistem v sel'skom khozyajstve* [On the Definitions and Divisions of Systems in Agriculture]. Otdel'nyj ottisk: Sankt-Peterburg, Tip. I. Gol'dberga.

Fortunatov A. F. (1903) *Sel'skoe khozyajstvo i agronomiya. Pervaya lektsiya kratkogo kursa «Vvedeniya v agronomiyu»* [Agriculture and Agronomy. The First Lecture of the Short Course "Introduction to Agronomy"]. Moscow, Tip. t-va I. N. Kushnerev i K°.

Fortunatov A. F. (1905) Posleslovie [Afterword] /N. Karyshev. *Iz literatury voprosa o krupnom i melkom sel'skom khozyajstve* [From the Literature on Large-Scale and Small-Scale Agriculture]. Moscow, Tip. t-va I. D. Sytina.

Fortunatov A. F. (1908) *Neskol'ko stranits iz ehkonomii i statistiki sel'skogo khozyajstva* [A Few Pages on Economy and Statistics of Agriculture]. Moscow, Tip. Somovoj.

Fortunatov A. F. (1916) *Po voprosam nauchnoj shkoly* [On Questions of the Scientific School]. Moscow, Tip. YA.G. Sazonova.

Fortunatov A. F. (1917) O vos'mi nastavnikakh [About eight mentors] *Vestnik vospitaniya*, no. 8–9, p. 140–174.

Fortunatov A. F. (1920) *Sbornik statej po obshhestvennoj agronomii* [Collection of Articles on Social Agronomy]. Kazan': Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Aleksei Fedorovich Fortunatov (1924) *K 40-letiyu nauchnoj i obshhestvennoj deyatel'nosti. 1884–1924 gg* [On the 40th Anniversary of Scientific and Social Activities. 1884–1924]. Moscow, MOSKh.

Fortunatov A. F. (1924a) Iz obmena mnenij ob agronomicheskoj shkole [From the exchange of opinions about the agronomic school] *Vestnik sel'skogo khozyajstva*, no. 5, p. 4–5.

Fortunatov A. F. (1925) Iz vospominanij o deyatelyakh Moskovskoj zemskoj statistiki [From the memoirs about the representatives of Moscow zemstvo statistics] *Pamyati N. A. Kablukova*. Sbornik statej, vol. 1, p. 235–251. Moscow.

Fortunatov G. A., Fortunatov I. K. (1957) *Aleksei Fedorovich Fortunatov. Biobibliograficheskij ukazatel'* [Alexei Fedorovich Fortunatov. Bibliographic Index]. Moscow.

Chayanov A. V. (1991) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Finansy i statistika.

Chelintsev A. N. (1925) Pamyati A. F. Fortunatova [In memory of A. F. Fortunatov] *Sel'skokhozyajstvennaya zhizn'*, no. 18, p. 59–60.

Shnitnikov V. N. (1958) *Iz vospominanij naturalista* [From Memoirs of a Naturalist]. 2-e izd. Moscow, Geografgiz.

Yakushkin I. V. (1927) O Fortunatove [About Fortunatov] *Vestnik sel'skogo khozyajstva*, no. 5, p. 109–111.